

УДК 316.346.2

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-209-219

Основные подходы к пониманию материнства как социокультурного феномена

Ольга Д. Горбачева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, olgab427@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются зарубежные и некоторые отечественные подходы к пониманию материнства в рамках социогуманитарного знания, а также обозначается исследовательское проблемное поле, связанное с этой тематикой и представленное разными областями знания. Автор ставит своей целью сопоставить различные позиции по данной теме, обозначить те проблемы, которые являются на данный момент дискуссионными, а также указать на основные смысловые точки, вокруг которых выстраиваются размышления исследователей. Особое внимание уделяется подходам, в которых разделяются понятия материнства и материнства, интересиональному подходу, подходам, в которых рассматривается историческое формирование материнства как репрессивного института и его трансформация во второй половине XX в. на Западе, а также подходам к пониманию специфики формирования представлений о материнстве в СССР и России.

Ключевые слова: материнство, материнские исследования, гендерные исследования, детоцентризм, гендерный порядок, патриархатная идеология, социальный конструктивизм

Для цитирования: Горбачева О.Д. Основные подходы к пониманию материнства как социокультурного феномена // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 8. С. 209–219. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-209-219

The main approaches to the understanding of maternity as a social and cultural phenomenon

Olga D. Gorbacheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
olgab427@yandex.ru*

Abstract. The article discusses foreign and some Russian approaches to understanding motherhood in the framework of socio-humanitarian knowledge and identifies a research problem field related to this topic and represented by diffe-

© Горбачева О.Д., 2019

rent fields of knowledge. The author aims to compare various positions on this topic, to identify debatable problems and to identify the main points of researchers' thoughts. The author pay attention to concepts of motherhood and mothering, an intersectional approach, approaches that consider the historical formation of motherhood as a repressive institution and its transformation in the second half of the 20th century in the West, and also approaches to understanding the specifics of the formation of ideas about motherhood in the USSR and Russia.

Keywords: motherhood, motherhood studies, gender studies, child-centrism, gender order, patriarchal ideology, social constructivism

For citation: Gorbacheva, O.D. (2019), "The main approaches to the understanding of maternity as a social and cultural phenomenon", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no 8, pp. 209-219, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-209-219

Материнство как феномен человеческого бытия всегда привлекал к себе внимание мыслителей, писателей, художников. Доказательством этого являются всевозможные этнокультурные традиции, памятники культуры, художественные произведения, создаваемые на протяжении всего периода существования человечества. Как в Западном мире, так и в России в последние десятилетия происходят серьезные изменения практик и смыслов материнства. Однако в России проблематика материнства как особого культурного феномена достаточно мало исследована. Как нам кажется, она требует последовательного научного осмысления, так как это позволит лучше понимать новейшие общественные процессы.

Феминизм в совокупности с социальным конструктивизмом и постструктуралистскими подходами впервые поставили вопрос о «социальном анализе систем воспроизводства человека в современном обществе, преодолев натурализирующие дискурсы социального дарвинизма, структурного функционализма и психоанализа, рассматривающих рождение и воспитание детей как естественное, инстинктивное и объективное предназначение женщин» [Miller 2007, p. 338].

Теоретическое осмысление материнства начало осуществляться в рамках женского движения второй волны такими исследовательницами, как Н. Чодороу, А. Рич, С. Раддик, Э. Оэкли. Именно они создали корпус текстов, сформировавший теоретическую традицию в изучении материнства, благодаря которой материнство стало считаться скорее социальным институтом, чем биологической судьбой [Thorne, Yalom 1992]. Тем не менее статус отдельной дисциплины направление «Материнские исследования» приобрело совсем недавно, в 2006 г., благодаря профессору Йоркского университета, главе Центра исследований материнства А. О'Рейлли [Шадрина 2017, с. 63].

Само понятие материнства было и остается не до конца артикулированным в исследовательской среде. В соответствии с пониманием Д. Риббенс Маккарти и Р. Эдвардс термин «материнство» «относится к процессам, связанным с определением конкретных женщин как матерей, т. е. людей, вынашивающих и/или осуществляющих основную заботу о детях» [Риббенс Маккарти, Эдвардс 2018, с. 119]. До недавнего времени большинство исследователей, занимающихся проблемой материнства в гуманитарных науках, принимали идею А. Рич о том, что содержание понятия «материнство» формируется из двух компонентов – конкретные отношения между матерью и ребенком и репрессивный социальный институт, «предписывающий и контролирующий практики заботы» [Шадрина 2017, с. 64]. Некоторые феминистки считали, что мужчины стремятся подавлять и контролировать женщин именно потому, что только женщина способна рожать. В современных концепциях, однако, репрессивность материнства как социального института была подвергнута критике, так как в современном Западном мире достаточно большую роль теперь играют идеи репродуктивного планирования, а практики заботы распространяются в том числе и на отцов [Ergas et al. 2017].

Э. Оэкли, приводя в пример общества, в которых няни, бабушки, дедушки, братья, сестры или весь коллектив занимаются уходом за ребенком, опровергала идею о биологической потребности женщины быть матерью и биологической нужде ребенка в собственной матери, она утверждала, что модели воспитания детей и представления об их потребностях культурно и исторически обусловлены [Oakley 1974b].

Философ С. Раддик предложила новое понимание материнства – как работы, связанной с заботой, которая традиционно лежит на женских плечах. С ее точки зрения, мать – это любой человек, выполняющий материнскую работу. В своей самой известной книге «Материнское мышление» она различает материнство (motherhood) как социальный институт, действующий с помощью законодательств, экспертов и идеологии, и материнствование (mothering) как совокупность опытов и практик заботы о детях. [Ruddick 1980]. В рамках современных исследований материнство рассматривается как институт и идеология, комплекс практик и совокупность идентичностей [Шадрина 2017, с. 66].

Важно отметить, что в советской социальной науке исследования материнства в основном были консервативной направленности: изучалась роль матери, роль семьи в рамках официальной государственной политики, для которой были приоритетны вопросы воспитательной функции семьи и семейной социализации [Гурко 2003, с. 23–44]. Считается, что начало феминологии и гендерной истории в советской науке положила Н.Л. Пушкарева,

защитив в 1985 г. кандидатскую диссертацию по теме «Положение женщины в семье и обществе Древней Руси X–XIII вв.», соответственно, именно это время может считаться началом изучения материнства вне пропагандистского дискурса.

Нам кажется, что необходимо также упомянуть исследователей, занимающихся изучением культурно-исторических условий формирования современных представлений о материнстве. С изменениями представлений о материнстве непосредственно связано изменение представлений и о детстве, в этом контексте представляется важным упомянуть работу Ф. Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке», в которой описывается эволюция детства в европейском сознании от раннего Средневековья до XIX в. Ф. Арьес говорит о том, что появление возрастной периодизации развития (младенец – ребенок – подросток – юноша), выделение детства как особого периода жизни и изменение роли ребенка в семье (все большее центрирование на нем и его потребностях) происходило параллельно процессам изменения европейской организации образования, в результате которого система начального и среднего образования взяла на себя роль социализации ребенка [Арьес 1999].

Представители различных областей социогуманитарного знания, занимающиеся исследованиями материнства, пытались проследить, когда именно и вследствие чего материнство в западном обществе становится ответственным и всеобъемлющим. Д. Риббенс Маккарти и Р. Эдвардс пишут о том, что это происходит только в XVI–XVIII вв., начиная с индустриализации с ее концентрацией производства на крупных заводах, именно тогда появляются новые представления о детстве, причем эти представления были характерны лишь для современных обществ и городских жителей, не занятых в сельском хозяйстве, и реализовать их удавалось далеко не всем. Законодательство требовало удаления детей от рабочих мест и вводило обязательное образование, женщины же, следуя викторианскому идеалу истинной женскости, должны были быть исключены как из большинства профессий, так и из высшего образования. Мать считалась хранительницей моральных идеалов, осуществляла заботу о членах семьи и должна была защищать детей от аморальных практик, которые были характерны для рабочего места [Риббенс Маккарти, Эдвардс 2018, с. 122]. На практике же для многих женщин этот идеал оставался недостижимым, так как многие были вынуждены овладеть какой-либо профессией и работать. Таким образом, идеология «всеобъемлющего» материнства являлась лишь опцией в связи с переходом от традиционного общества к обществу модерна.

По мнению О. Исуповой и И. Кона, в западном обществе важной вехой в становлении современного представления о материнстве

был конец XIX – первая половина XX в., ознаменованные появлением фрейдовской теории. Классический фрейдизм понимал материнство как женскую вину, имеющую в своей основе полное слияние матери и ребенка в первые годы жизни. До какого-то момента ребенку это слияние необходимо и биологически, и психологически, но потом его необходимо прервать, а женщине, по мнению классических психоаналитиков, это невыгодно, она старается продлить его как можно дольше, что негативно влияет на дальнейшее развитие ребенка. Но, с другой стороны, при недостаточном слиянии и в случае, если для матери материнство в тягость, она не посвящает себя ребенку, это тоже приводит к проблемам на более поздних этапах онтогенеза. Следовательно, абсолютно во всех бедах человек, будучи уже взрослым, может обвинить свою мать.

А. Гидденс называет феномен выделения материнства из других функций женщин в приватной сфере и выдвигание его на передний план «изобретением материнства» [Giddens 1992, p. 130]. «“Изобретение материнства” дало начало влиятельнейшему дискурсу, занявшему центральное место в патриархатной гендерной идеологии» [Тартаковская 2005, с. 194]. Э. Оукли сформулировала его основные положения следующим образом: «Всем женщинам необходимо быть матерями. Всем матерям необходимы их дети. Всем детям необходимы их матери» [Oakley 1974a, p. 186].

Психоанализ, о котором мы уже упоминали, посредством своих воззрений фактически легитимировал эту идею на более глубоком уровне, так как постулировал то, что нормальная женщина в любом случае хочет быть матерью, а если не хочет, то идет против «женской природы». И. Тартаковская пишет, что в 1960-е гг. был опубликован целый ряд работ, в которых на основании данных различных исследований всячески утверждалась идея о том, что между матерью и ребенком существует особый род близких отношений, который совершенно необходим для развития ребенка и не может быть заменен никакими другими отношениями [Тартаковская 2005, с. 194–195].

Известными исследователями в рамках отечественной гендерной истории являются Л.Б. Хорошилова и В.В. Пономарева. Они изучают эволюцию мира русской женщины, которая начинается со второй половины XIX в. в связи с постепенным обретением прав и возможностью самостоятельно определять свою судьбу. Они пишут, что именно тогда у женщины появляется выбор – выйти замуж и стать матерью, получить профессию и развиваться в ней или совмещать и то, и другое. А также в то время патриархальная семья претерпевает серьезные изменения и возникает новый домашний уклад [Пономарева, Хорошилова 2019].

Если говорить об изучении представлений о материнстве, существовавших на протяжении советского периода отечественной истории, то, по мнению исследователей, гендерный порядок в целом и практики материнства в частности трансформировались вместе с изменениями партийно-государственной политики в отношении сексуальности и женщин. Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина упоминают следующую периодизацию [Здравомыслова, Темкина 2015, с. 335]:

Первый период: 1918 – начало 1930-х гг. Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина отмечают, что этот этап характеризуется революционностью советской политики, главная его цель заключалась в высвобождении «женщины из патриархальной семьи и подчинении ее интересам советского государства». В это время появляется программа решения «женского вопроса»: женщины представляются одновременно как «отсталый элемент» (а потому для них создается целевая государственная политика) и как потенциальные матери (поэтому они мобилизуются государством) [Здравомыслова, Темкина 2015, с. 336].

Второй период: 1930-е – середина 1950-х гг. Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина отмечают, что в этот период женщину лишают репродуктивного выбора, запретив аборт, интимный опыт умалчивается. Появляются льготы для многодетных и матерей-одиночек, появляется все больше роддомов, яслей, детских садов, ужесточаются наказания за неуплату алиментов, усложняется процедура развода, вводится запрет на регистрацию внебрачных детей. Все это делается с целью укрепления официальных браков, которые организуются вокруг принудительного материнства. Официальный дискурс заявляет, что сочетание материнства с общественно-полезным трудом является гражданской доблестью женщин.

Третий период: середина 1950-х – конец 1980-х гг. В это время гендерная политика становится более либеральной: происходит отмена запрета на медицинский аборт в 1955 г., усиливается государственная поддержка материнства, упрощается процедура развода и восстанавливается возможность установления отцовства. Для пронаталистской социальной политики, доминирующей в Советском государстве этого периода, была характерна идеология отождествления «правильной женственности» с материнством. Именно в это время продвигаются идеи о материнстве как естественном предназначении. Официальные дискурсы интерпретируют семью как «основную ячейку» общества, «для которой характерно разделение ролей по признаку пола; на женщину возлагаются основные обязанности по воспитанию детей и заботе-обслуживанию» [Здравомыслова, Темкина 2015, с. 344].

На Западе женское движение в лице феминисток не могло не обратить внимание на существующие представления в отношении

материнства. Исследования Э. Оукли, описанные в 1974 г., показали, что многие матери испытывают сильнейшую фрустрацию. Э. Оукли полагала, что основная проблема заключается в том, что материнство не существует само по себе – оно предполагает функцию домохозяйки, то есть творческое начало в нем по сравнению с ролью обслуги выражено значительно меньше. Именно женщина считалась ответственной и за детей, и за все, что происходит дома, и очень часто она ощущала социальную изоляцию, так как у нее просто не было возможности выйти из приватной сферы дома в сферу публичную. Мужья чаще всего выбирали при взаимодействии с детьми наиболее вознаграждающие и приятные формы заботы – гуляли, играли, укладывали спать, а вся рутина оставалась на женщине [Oakley 1974a].

М. Баррет и М. Макинтош писали, что домашняя работа представляется естественной женской работой именно в связи с материнством: рождение и вынашивание ребенка как бы автоматически подразумевает, что весь уход за ним и бытовые дела являются зоной ответственности матери. Тем более, эмоционально больше вовлечена в процесс воспитания и ухода тоже мать, что формирует более доверительные и теплые отношения между ребенком и матерью, а не отцом [Barrett, McIntosh 1982]. М. Баррет и М. Макинтош полагали, что материнство становится обузой само по себе при отсутствии поддержки со стороны, так как женщина оказывается заложницей быта, дома и детей – ей приходится выполнять всю домашнюю работу, раз она «и так сидит дома» с ребенком. Впоследствии, если она все же выходит на работу, на ее плечи ложится двойная нагрузка. М. Баррет и М. Макинтош называли это тиранией материнства, они утверждали, что вышеописанная ситуация приводит к тому, что женщина чувствует сильную амбивалентность, потому что именно дети, которых она любит, связывают ее по рукам и ногам [Barrett and McIntosh 1982, p. 72].

А. Рич считает, что опыт материнства – это очень важный позитивный и телесный опыт, но он зачастую реализуется в таких социальных условиях и наталкивается на такие требования, что становится травматичным для женщины [Rich 1995].

Некоторые ранние феминистские работы о материнстве были подвергнуты критике, так как не учитывали пересечений материнства с другими социальными измерениями. Благодаря развитию в конце 1980-х гг. интерсекционального подхода, который связан с переходом от универсализма в изучении женского опыта к его партикуляризации и контекстуализации, на Западе появились исследования, показавшие, что материнские практики различаются в зависимости от этнической принадлежности, сексуальной

идентичности и социального класса [Mahalingam et al. 2009]. «Забота о маленьких детях в условиях нищеты, которая угрожает выживанию, например, может привести к тому, что понимание материнства будет связано с необходимостью “отпустить”, а не сохранять при себе некоторых детей, одновременно с желанием вырастить достаточное количество детей, чтобы иметь возможность получать ответную заботу в старости» [Риббенс Маккарти, Эдвардс 2018, с. 121]. Стало понятно, что западные модели и идеалы материнства доступны далеко не для всех матерей, а ценности и практики матерей из рабочих классов, матерей других этничностей (в США это особенно актуально, когда мы говорим об афроамериканских женщинах) маргинализуются [Gillies 2007].

В настоящее время как на Западе, так и в России популярной и социально одобряемой является модель «интенсивного материнства»¹, которая «диктует» норму «хорошей матери» и модель заботы о ребенке. Подробное описание системы взглядов, которые регламентируют современные практики заботы и их влияние на женщин, а также их связь с популярными руководствами по уходу за детьми, изданными в середине XX в., можно найти в работе американского социолога Ш. Хейз [Hays 1994, pp. 1–51]. Ш. Хейз пишет о том, что авторы этих руководств в качестве идеала семьи постулируют «детоцентристскую модель», которая подразумевает, что именно мать несет первичную ответственность за благополучие ребенка и ставит потребности детей во главу детско-материнских отношений. «Несостыковка» заключается в том, середина XX в. – это время расцвета американских пригородов, когда большинство жен и матерей были домохозяйками, сейчас же многие матери работают, и эта концепция в чистом виде ничего, кроме чувства вины и напряжения между ощущением себя как личности и материнским чувством, современной женщине дать не может, тем не менее именно она главенствует, объявляя правильным и правомерным безграничный детоцентризм. Существуют, однако, модели для того, чтобы обойти это противоречие. Во-первых, это концепция качественного времени, которая появилась в 1970 г. Основная идея этой концепции заключается в том, что женщина может оставаться хорошей матерью, не посвящая все свое время ребенку, а лишь выделяя определенное количество часов, на протяжении которых она полностью вовлечена во взаимодействие с ним, уделяет ему все свое внимание. Качество времени, проведенного с ребенком, таким образом, оказывается важнее его количества [Uttal 2002, p. 121–122]. Во-вторых, это активное отцовство, которое стало возможным

¹См. подробнее об этом в кн.: [Шадрин 2017].

в том числе и благодаря закреплению на законодательном уровне возможности взять отцу отпуск по уходу за ребенком. Также отметим, что современная семейная психология не считает детоцентристскую модель наилучшим вариантом для функционирования семьи. Например, в системной семейной психологии утверждается, что самое важное в семье – это отношения между супругами, и ребенок должен находиться внизу семейной иерархии, только в этом случае семья как система будет функциональной [Варга 2001].

Проведенный анализ подходов к пониманию материнства как социокультурного феномена показывает, что исследователи в рамках различных дисциплин по-разному осмысливают материнство, однако в этих подходах можно найти общие черты. Во-первых, материнство рассматривается, с одной стороны, как социальный институт, контролирующийся с помощью экспертов и идеологии практики заботы о детях, и, с другой стороны, как опыт и практики конкретных матерей. Также отличительной особенностью подходов последних десятилетий является интерсекциональность, т. е. связь с различными измерениями социального опыта. Более-менее общим местом является признание того, что современная идея интенсивного материнства является ригидной, нормирующей и отрицающей разнообразие материнских практик, которая мешает женщине получать удовольствие от опыта материнства и ощущать его ценность. На данный момент материнские исследования представляются очень важной областью социогуманитарного знания, в том числе и потому что они подчас несут освободительный потенциал, деконструирующий различные нормы и требования и меняющие тем самым характер материнских практик.

Литература

- Арьес 1999 – *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке: Пер. с франц. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. 416 с.
- Варга 2001 – *Варга А.* Системная семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2001. 144 с.
- Гурко 2003 – *Гурко Т.* Родительство: социологические аспекты. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 164 с.
- Здравомыслова, Темкина 2015 – *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* 12 лекций по гендерной социологии: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2015. 768 с.
- Исупова, Кон 2009 – *Исупова О., Кон И.* Материнство и отцовство: социологический очерк // Гендер для «чайников» – 2. М.: Звенья, 2009. С. 113–136.
- Пономарева, Хорошилова 2019 – *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад: XVIII – начало XX века. М.: Ломоносовъ, 2019. 288 с.
- Риббенс Маккарти, Эдвардс 2018 – *Риббенс Маккарти Дж., Эдвардс Р.* Исследования семьи. Основные понятия. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. 344 с.

- Тартаковская 2005 – *Тартаковская И.Н.* Гендерная социология. М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский Простор», 2005. 368 с.
- Шадрина 2017 – *Шадрина А.* Дорогие дети. Сокращение рождаемости и рост цены материнства в 21 веке. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 392 с.
- Barret, McIntosh 1982 – *Barrett M., McIntosh M.* The Anti-Social Family. London: Verso, 1982. 164 p.
- Ergas et al. 2017 – *Ergas Ya., Jenson J., Michel S.* Reassembling motherhood: procreation and care in a globalized world. New York: Wiley: Columbia University Press, 2017. 336 p.
- Giddens 1992 – *Giddens A.* The transformation of intimacy: Sexuality, love & eroticism in modern societies. Cambridge: Polity Press, 1992. 216 p.
- Gillies 2007 – *Gillies V.* Marginalised Mothers: Exploring Working-Class Experiences of Parenting. London: Routledge, 2007. 175 p.
- Hays 1994 – *Hays Sh.* The cultural contradictions of motherhood. New Heaven and London: Yale University, 1994. 288 p.
- Mahalingam et al. 2009 – *Mahalingam R., Balan S., Molina K.M.* Transnational intersectionality: A critical framework for theorizing motherhood // Handbook of Feminist Family Studies. Los Angeles: Sage, 2009. P. 69–80
- Miller 2007 – *Miller T.* “Is this what motherhood is all about?” : Weaving experiences and discourse through transition to first-time motherhood // Gender and Society. 2007. Vol. 21. № 3. P. 337–358.
- Oakley 1974a – *Oakley A.* The sociology of housework. New York: Pantheon Books. 1974. 242 p.
- Oakley 1974b – *Oakley A.* Woman’s work: The housewife, past and present. New York: Pantheon Books, 1974. 275 p.
- Rich 1995 – *Rich A.* Of woman born: Motherhood as experience and institution. New York; London: W. W. Norton and Co., 1995. 322 p.
- Ruddick 1980 – *Ruddick S.* Maternal Thinking // Feminist Studies. 1980. Vol. 6. № 2. P. 342–357.
- Thorne, Yalom 1992 – *Thorne B., Yalom M.* Rethinking the family: Some feminist questions. Boston: North Eastern University Press, 1992. 316 p.
- Uttal 2002 – *Uttal L.* Making Care Work: Employed Mothers in the New Childcare Market. New Brunswick: Rutgers University Press, 2002. 203 p.

References

- Aries, Ph. (1999), *Rebenok I semeynaya zhizn' pri starom poryadke* [Centuries of Childhood: A Social History of Family Life], Ural University Publishing House, Ekaterinburg, Russia.
- Barrett, M. And McIntosh, M. (1982), *The Anti-Social Family*, Verso, London, UK.
- Ergas Ya., Jenson, J. and Michel, S. (2017), *Reassembling motherhood: Procreation and care in a globalized world*, Wiley, Columbia Univ. Press, New York, USA.
- Giddens, A. (1992), *The transformation of intimacy: Sexuality, love & eroticism in modern societies*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Gillies, V. (2007), *Marginalised mothers: Exploring working-class experiences of parenting*, Routledge, London, UK.
- Hays, Sh. (1994), *The cultural contradictions of motherhood*, Yale University, New Heaven and London, USA and UK.

- Ispupova, O. and Kon, I. (2009), *Materinstvo I otcovstvo: sociologicheskii ocherk* [Motherhood and fatherhood: sociological essay], Zven'ya, Moscow, Russia.
- Mahalingam, R., Balan, S. and Molina, K.M. (2009), "Transnational intersectionality: A critical framework for theorizing motherhood", *Handbook of Feminist Family Studies*, Sage, Los Angeles, USA.
- Miller, T. (2007) "Is this what motherhood is all about?' Weaving experiences and discourse through transition to first-time motherhood", *Gender and Society*, vol. 21, no 3, pp. 337-358.
- Oakley, A. (1974a), *The sociology of housework*, Pantheon Books, New York, USA.
- Oakley, A. (1974b), *Woman's work: The housewife, past and present*, Pantheon Books, New York, USA.
- Ponomareva, V.V. and Khoroshilova, L.B. (2019), *Mir russkoi zhenshchiny: sem'ya, professiya, domashnii ukhad: XVIII – nachalo XX veka* [The world of Russian woman: family, profession home style. XVIII – beginning of XX century], Lomonosov, Moscow, Russia.
- Ribbens McCarthy, J. and Edwards, R. (2018), *Key Concepts in Family Studies*, Izdatel'skii dom VShE, Moscow, Russia.
- Rich, A. (1995), *Of woman born: Motherhood as experience and institution*, W.W. Norton and Co, New York, London, USA, UK.
- Ruddick, S. (1980), "Maternal Thinking", *Feminist Studies*, vol. 6, no 2, pp. 342-357.
- Shadrina, A. (2017), *Dorogie deti. Sokrashchenie rozhdaemosti i rost tseny materinstva v 21 veke*. [Expensive children. Declining birth rates and the rising cost of motherhood in the 21st century], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Tartakovskaya, I.N. (2005), *Gendernaya sociologia* [Gender sociology], ООО «Variant» with participation ООО «Nevskii Prostor», Moscow, Russia.
- Thorne, B. and Yalom, M. (1992) *Rethinking the family: Some feminist questions*, North Eastern University Press, Boston, USA.
- Uttal, L. (2002), *Making Care Work: Employed Mothers in the New Childcare Market*, Rutgers University Press, New Brunswick, USA.
- Varga, A. (2001), *Sistemnaya semeinaya psikhoterapiya* [Systemic psychotherapy], Rech', Saint Petersburg, Russia.
- Zdravomyslova, E.A. and Temkina, A.A (2015), *12 lektsii po gendernoi sotsiologii: Uchebnoe posobie* [12 lectures on gender sociology: textbook], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Ольга Д. Горбачева, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; olgab427@yandex.ru

Information about the author

Olga D. Gorbacheva, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; olgab427@yandex.ru